

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ТЕРРИТОРИЯ КОНФЛИКТА

Понятие «конфликт» в детской литературе трактуется современными исследователями по-разному. Часто, особенно в отечественной критике, оно приобретает идеологические параметры: это скорее *конфликт детской литературы*, чаще всего, советской, с идеологическим мейнстримом и политическим диктатом, но здесь детская литература мало чем отличается от литературы «взрослой», которой так же, как и литературе для детей, был свойственен особый «эзопов язык» и свои эстетические и стилистические инновации.

Подмена исследования *конфликта в детской литературе* изучением конфликта детской литературы с государственными институтами совсем не является прерогативой российского литературоведения. Американская исследовательница детской литературы Джулия Микенберг в предисловии к своей монографии «Учиться у левых: детская литература, холодная война и политика радикализма в Соединенных Штатах Америки»¹ пишет о прямой зависимости в развитии детской литературы от политической и экономической ситуации в стране. В течение довольно продолжительного периода истории американской детской литературы, начиная с конца 1920-х и до второй половины 1950-х годов, именно произведения для детей стали последним «убежищем» для многих авторов, которых их радикальные взгляды вытолкнули из литературы взрослой. Тем не менее, как утверждает автор, дело было не только и не столько в экономическом аспекте. Уход в творчество для детей был мотивирован вполне утопическим желанием изменить мир, сделать его лучше, воспитав через книги новое поколение граждан, свободных от предрассудков «старого мира». Новая дидактическая установка требовала создания новых жанров и поиска новой эстетики, которыми радикальная детская литература пользовалась для утверждения своих ценностей.

Какой бы наивной в своем стремлении к новой утопии эта литература ни казалась сегодня, в американском контексте именно благодаря

ей появились детские книги с гендерной и расовой проблематикой; писатели заговорили о табуированных темах секса, религии, политики. Из конфликта детской литературы с государственными институтами выросло новое понимание этой категории внутри детской литературы, более широкое ее приложение, выводящее эту литературу за пределы истории развития и идеологического диктата на территорию эстетики.

Международная конференция «Детская литература как территория конфликта: тексты, персоны, институты», состоявшаяся 1–4 июня в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, обратилась именно к такому широкому пониманию понятия «конфликт», совместив в своем обсуждении обе обозначенные выше темы.

В фокусе внимания участников оказались теоретические проблемы: парадигматическое строение детской литературы и синтагматические связи между ее отдельными составляющими. Организаторы конференции в качестве объяснительной модели предложили использовать понятие «конфликт» и через со/противопоставление литературоведческих категорий и литературных явлений выявить как институциональные и персональные особенности литературного процесса для детей, так и специфику жанровой и текстовой традиции детской литературы.

В контексте конфликта детской литературы с государственными институтами в докладах обсуждались политические и эстетические позиции разных участников литературного процесса: столкновение интересов ведомств, заведовавших детской литературой, борьба отдельных детских писателей за власть и ресурсы, институциональные формы эскалации и разрешения напряжения по линии «власть-писатель-читатель». Исследователи занимались анализом как государственной, так и внутренней цензуры. В сферу обсуждаемых вопросов авторских конфликтов были включены такие темы, как канонизация одних авторов и деканонизация других, механизмы и формы консервации/изменения литературного пантеона, а также формы межпоколенческих противоречий в среде писателей.

С другой стороны, докладчиков интересовала именно поэтика конфликта *внутри* детской литературы: противостояние традиционного и новаторского в конкретных стилях и жанрах национальной детской литературы, смена литературных направлений, изменения жанровых канонов, константы поэтики и модификация отдельных приемов, изображение социальных, политических, этических, национальных, гендерных конфликтов в текстах детской литературы:

ожидания/реальность, свои/чужие, вражда/примирение, герои/антигерои, история/настоящее. Таким образом, разговор шел о попытках вывести юного читателя за пределы идеологического давления и контроля в определенный момент истории, обратиться к экзистенциальным вопросам и средствами литературы объяснить ему, «что такое хорошо и что такое плохо».

Этот специальный выпуск журнала «Детские чтения» составлен из избранных статей участников конференции, возникших на основе их докладов. Здесь представлены работы российских и иностранных ученых из Великобритании, Германии, Италии, Новой Зеландии, Польши, России, США, Франции, Хорватии, Чехии, Южной Африки.

Уделяя большое место национальной специфике детской литературы, авторы статей, тем не менее, попытались обратиться к общим проблемам и определить параметры «конфликтного поля» как внутри, так и за пределами существования литературного текста. Представленные исследования демонстрируют разные практики, при которых «конфликтное поле», созданное в книге, задает такие ключевые для мировоззрения человека антитезы, как «герои/антигерои», «религиозное/нерелигиозное мировоззрение», «семья/государство», «национальное/общечеловеческое», «верность себе/компромисс». Именно в ходе решения подобных конфликтных ситуаций оформляется поле становления личности читателя.

Одной из таких практик стало обращение к исследованию судеб прототипов героев книги, которое помогает определить еще один конфликт. Он показывает, насколько взаимозависимыми были проблематика, к которой обращалась детская литература, политика и государственные практики за пределами территории собственно литературного творчества. Речь идет, в первую очередь, о стратегии умолчания, типичной для детской литературы тоталитарного периода, будь то советский хронотоп или южноафриканский апартеид.

Важным моментом в обсуждении конфликта в детской литературе является междисциплинарный подход к этой теме. Конфликт между словесным и визуальным текстом, между жизнеподобием и условностью, между прямым и переносным значением слов формирует у ребенка представление о книге как культурном феномене, не исчерпываемом событийным сюжетом. Авторы детских книг играют на границе семиотики искусства и семиотики повседневности, приучают маленького читателя ценить искусственность в искусстве, а взрослому дарят радость игры и «узнавания» культурного контекста.

Авторы сборника не ставили перед собой задачу исчерпывающего ответа на все вопросы, заявленные в ходе конференции. Очевидно, что «территория конфликта» в детской литературе во многом повторяла и повторяет рельеф и тектонику «взрослой» литературы, тем не менее, участникам этого сборника удалось выделить и описать некоторые общие особенности «конфликтного поля» детской литературы, существующие вне зависимости от национальных и региональных ее параметров. Прделанная работа — это только начало в исследовании феномена. Широкий спектр тем и методологических подходов, представленных в этом номере журнала, наглядно демонстрирует все разнообразие перспектив дальнейших исследований.

Марина Балина и Светлана Маслинская

Примечания

¹ *Mickenberg J.* Learning from the Left: Children's Literature, the Cold War, and radical Politics in the United States. Oxford: Oxford UP, 2006. P. 5.